

«В ДУШУ К НАМ ПРОНИКНУТЬ И ПОДЖЕЧЬ...»

«Николай Грицюк. Художник, не нужный народу» - эти горькие слова вынесли в название своего фильма автор сценария Замира Ибрагимов и кинорежиссер Ким Долгин.

— Ну, что ж — таких вердиктов мы на своем веку слышали немало и прекрасно знаем, кто присваивал себе право выносить их от имени народа. Как правило, в этот разряд зачислялись художники, нарушающие догматы соцреализма. Вот и в ряде произведений Грицюка, как это явствует из доклада секретаря обкома (1970 г.), «преданы забвению партийные принципы», в них нет «должной масштабности, нет ощущения гражданственности, что снижает их роль в мобилизации людей на трудовые и ратные дела...»

А в это время на экране мы видим образец, надо полагать, «должной масштабности» и неукоснительного соблюдения «партийных принципов» — бронзовых истуканов на центральной площади города (как возражал против этого памятника Николай Демьянович...). По предложенной шкале оценок — они, безусловно, нужны народу. Да только время распорядилось иначе, и сегодня все чаще звучат призывы общественности избавить город от этого дорогостоящего уродства.

Отношение начальства к художнику, увы, не было безобидным частным суждением. Это был приговор, который ревностно приводился в исполнение. Чиновники снимали с выставок работы («народ не поймет»), запрещали писать о Грицюке в местных изданиях, лишали его, по возможности, заграничных поездок.

В 1976 году Н. Д. Грицюка не стало. Но более десяти лет потребовалось К. Долгину, чтобы добиться разрешения снять фильм о великом художнике. С некоторой опаской думаю — неужели добиться только для того, чтобы все свести к ставшей уже банальной схеме: есть мы и есть «они», долгие годы преграждавшие нам доступ к искусству, не укладывающемуся в жесткие рамки идеологических стандартов. И что это «они» загубили художника, создав вокруг него ореол ненужности и непонятности.

Будь это так, фильм, скорее всего, пополнил бы собой обширный поток обличительной «чернухи», в котором мы уже буквально потонули. К счастью, этого не случилось. Режиссер считает, что художник выше этого. К тому же, не так все однозначно и не такие уж мы невинные овечки...

Я вспоминаю слова другого художника, тоже «ненужного народу» — кинорежиссера Киры Муратовой: «Это очень наивно и эгоистично считать, что есть «мы» и есть «они». Легко жить на свете, думая, что нас мучают, нам делают зло. Значит, так мы в глубине устроены, что в нас есть возможность мучить друг друга и вообще исказить наши собственные представления.

К сожалению, так мы устроены. Вот ведь вслед за руководящими и направляющими сентенциями фильм знакомит нас с высказываниями простых зрителей, взятыми из книги отзывов. Чего здесь только нет... «Это искусство враждебно народу...», «Эта выставка – просто нездоровое явление...», «Это совершенно бессодержательная мазня...», «Перед вами обыкновенная халтура...». «Это бред офонаревшего от каменных джунглей...».

Мазня, халтура, бред – чувствуете вдумчивость и доброжелательность оценок? Никто, естественно, не посягает на священное право человека не разбираться в живописи или иметь свое мнение. Но где культура несогласия? А, может быть, просто культура?

А вот уже и подсказка кому следует, попросту говоря – донос. «Может, он агент с Запада?» А вот и твердое убеждение в том, что «картины должны вдохновлять, а не заставлять думать...». Как много они говорят о нас, эти отзывы. Бедные мы, бедные... Как же удалось убить в нас потребность думать? Как же мы позволили так манипулировать нашим вкусом и восприятием?

ВПРОЧЕМ, понятно как: изымая из художественного обращения все новое, необычное, нас постепенно отучали от самостоятельного видения. Мы все прошли эту школу. Но зачем же быть в ней первыми учениками?! А первые ученики, как то им и положено, превзошли своих учителей в искусстве травли. И вот уже звучат хамские приказания художнику: «Снимите всю эту мазню и сожгите, не позорьтесь...» Костры из произведений искусства? Это вызывает в памяти довольно страшноватые исторические аналогии.

Из этого же арсенала и следующее пожелание, географического свойства: «Поезжайте на Запад со своими картинами. Огребете кучу денег и будете жить припеваючи...». Этот мотив поистине бессмертен в нашем Отечестве. На днях читаю в газете: высокопоставленный чиновник, в ответ на предостережение о том, что новая система налогов увеличит эмиграцию деятелей культуры, без запинки бросает: «Скатертью дорога».

Немудрено, что официальное неприятие Грицюка перекликается с неприятием части зрителей – ведь он «ни для убеждения власть имущих, ни на потрафление стадного «вкуса» не работал – пишет З. Ибрагимова. – Перед собою честен – и тем избавлен от недостойных Художника переодеваний по социальной погоде».

Немудрено, что и у тех, и у других самоуверенное невежество порождает агрессию, непонятное, значит, плохое, непонятное, значит, враждебное.

Между тем достаточно было пойти навстречу художнику, свободно и непредвзято посмотреть на его картины – и миф о непонятности Грицюка рушился. Собственно, авторы и предлагают нам непредвзятость...

В фильме принципиально отсутствует искусствоведческий комментарий, который, конечно же, объяснил бы нам и высочайший профессионализм художника, и его мировое значение. Но лента адресуется только к непосредственному эмоциональному переживанию, самостоятельному

постижению художественного мира Грицюка. Ведь и картины его – это, в сущности, эмоциональный портрет города, времени, в котором мы живем.

Не исключая, что у некоторых зрителей сработает инстинкт самозащиты (на случай, если не понравится), который тут же начнет выстраивать оборонительные редуты: так, сейчас станут навязывать Грицюка, внушать, что, мол, если нравится художник, значит, ты интеллигент и интеллектуал, а не нравится – значит, ни то, ни другое. Но редуты не понадобятся – наступления не будет. Зачем ломиться в открытые двери? Конечно, Грицюк может не нравиться, и не обязан всем нравиться. Единственное, чего хотят от нас авторы, - чтобы мы увидели, разглядели художника; чтобы остановились, посмотрели и сказали: да, так тоже может быть...

УВИДЕТЬ по-настоящему художника нам помогает камера оператора Петра Сиднева. К счастью, она оказалась в руках человека, глубоко и тонко чувствующего работы художника. Рассматривая картины вместе с ним, и мы полнее постигаем их глубинный смысл. Ритмы современной жизни, современный город, перемалывающий судьбы людей, прекрасный и ужасный одновременно – это было главной темой творчества Грицюка. Показывая картины окружающей действительности, сопоставляя их с живописными полотнами, режиссер и оператор дают нам возможность как бы вместе с художником пройти претворения их в Искусство.

Режиссер сумел не только увидеть, но и услышать мир Грицюка – ведь не зря о нем говорили, что он создал озвученный образ города. Изобразительный ряд фильма удивительно сочетается с музыкальным. Музыка Моцарта и Шнитке как нельзя лучше передает сущность творчества художника: красота, легкость, гармония, а с другой стороны – трагизм. С годами мы находим в картинах Грицюка все больше и больше пророческих откровений. Фильм лишний раз убеждает, насколько долговечны и глубоки художественные прозрения о нашей жизни. Ибо жизнь – с ее политическими распрями и страстями – коротка, а Искусство вечно.

Финал картины сродни чаплинским финалам – медленно удаляется от нас одинокая фигурка Художника. Он уходит в Вечность, уходит – непонятый и ненужный?

Николай Демьянович любил стихи Окуджавы. Они дружили. Поэт посвятил ему стихотворение «Пиросмани» - о бесприютности художника в этом мире. Мне кажется, они одинаково понимали предназначение Художника на Земле, которое выражено в словах поэта: «А еще ведь надо в душу к нам проникнуть и поджечь...»

Л. ГЕРЦОВА.